

Альфард и Вуди уехали на праздники домой. Роско поначалу хотел остаться в замке, но после долгих уговоров матери всё же сдался и покинул Хогвартс. Студенты разъезжались один за другим; Джери же возвращаться в приют не собирался. Он иронично подумал, что миссис Коул вряд ли горит желанием видеть «маленького дьявола» в такой святой день. И хотя Роско с Альфардом наперебой звали его к себе, он вежливо отказался, пообещав приехать к Буту на летних каникулах — тот настойчиво твердил, что его радушная матушка уже заочно влюблена в Джери и непременно желает видеть его гостем.

В магловском приюте Джери часто подрабатывал вместе со старшими ребятами: таскал грузы, мыл машины, собирал мелкие чаевые. Впервые столкнувшись с миром магии, он всерьёз опасался, хватит ли его скромных накоплений на учёбу, но, к счастью, помог стипендиальный фонд. Теперь его «заначка» лежала без дела, и он решил потратить её на подарки друзьям. Чтобы отблагодарить Тома за долгие часы дополнительных занятий, Джери первым делом выбрал подарок именно ему. К несчастью, после этой покупки он обнаружил, что остался кругом должен.

Превратившись в совершенного бедняка, Джери не мог купить подарки даже для Альфарда, Роско и Вуди. Книги вряд ли бы их впечатлили: у семейства Блэков наверняка была огромная библиотека, Вуди к чтению питал искреннее отвращение, а Роско — тот и вовсе был рейвенкловцем, в их гостиной недостатка в литературе не наблюдалось.

Дарить магловские безделушки Джери посчитал неуместным, поэтому с чувством глубокой вины ограничился праздничными открытками. Всё, что он смог сделать — это добавить в них капельку магии, заставив нарисованных человечков забавно двигаться.

Для Тома он выбрал дневник за десять серебряных сиклей. С виду ничего особенного: простая чисто-чёрная обложка из твердой кожи, однако этот предмет был результатом работы низшей алхимии и гарантировал владельцу полную конфиденциальность записей. Джери, впрочем, совсем не был уверен, пригодится ли это Риддлу.

В сочельник огромная спальня опустела. В замке воцарилась гулкая, тоскливая тишина. В гостиной почти никто не появлялся; Джери устроился у камина, наблюдая за ленивым танцем огня, и читал, попутно считая прохожих. За весь вечер их количество так и не перевалило за десяток.

На следующее утро Джери проснулся с нахлынувшим чувством одиночества и усталости, но оно мгновенно испарилось, стоило ему заметить у кровати горку из четырёх свертков. Восторг переполнил его: в приюте такого никогда не бывало. Это были первые рождественские подарки в его жизни, и сразу четыре!

Джери соскочил с постели, даже не накинув халат, и первым делом вскрыл самый верхний сверток — темно-зеленый и неприлично роскошный. Сомнений не было: это от Альфарда.

«Дорогой Дже, зная твою любовь к истории магии, надеюсь, что эта книга тебя не проглотит. Счастливого Рождества. От Альфарда».

Это был увесистый старинный том в жестком переплете: «Столетие войны и мира». На форзаце изящным почерком было выведено имя: Урсула Флинт. Джери открыл книгу и не сдержал возгласа:

— Рукописная копия! Боже мой!

Это была невероятно ценная вещь. Потирая лоб, Джери заметил выпавшую записку, написанную нарочито размашистым почерком Блэка: «Эй, дружище, только не рассыпайся в благодарностях. У нас дома таких книг навалом, предки и не заметят, если одна пропадет». Внизу красовался крошечный рисованный Альфард, который, стоило Джери на него взглянуть, весело прищурился и расплылся в улыбке.

На душе стало тепло. Джери твердо решил, что пора начать зарабатывать собственные деньги — нельзя же каждый год отделяться открытками. Этого было недостаточно, чтобы окупить хотя бы уголок такой книги, пусть даже Альфард и компания не ждали ничего взамен.

Второй сверток оказался пухлым и мягким. Когда оберточная бумага порвалась, из неё выпал изумрудно-зеленый вязаный свитер в серебристую полоску.

«Дорогой Дже, ты же знаешь — я много рассказывал о тебе маме. Она в восторге от твоих успехов и очень расстроилась, что ты не смог приехать в гости, поэтому настояла на том, чтобы связать этот свитер... Э-э, искренне надеюсь, что он тебе понравится. Счастливого Рождества. От Роско».

Если бы мама Роско сейчас стояла перед ним, Джери, кажется, бросился бы её обнимать. Поистине святая женщина.

Следом нашлась большая коробка черничного печенья: «P. S. Это готовил мой отец, по-моему, вышло недурно». Джери попробовал одну штуку — хрустящее печенье оказалось ароматным и сладким. Он умял штук шесть, прежде чем приняться за третий подарок.

Третий сверток вел себя подозрительно: внутри явно что-то шевелилось. Джери на всякий случай вооружился палочкой. Внутри оказалась книга «Чудесный квиддич» и огромный пакет шоколадных лягушек.

От количества лягушек у него зарябило в глазах.

«Надеюсь, ты не испугаешься стаи лягушек? Ха-ха! Счастливого Рождества, Дже. Я верю в твой талант, в следующем году ты точно попадешь в сборную факультета, так что держи самоучитель. Твой Вуди.

P. S. Надеюсь, когда я вернусь, мне не придется вылавливать амфибий у себя под кроватью».

Джери нахмурился, понимая, что опасения Вуди небезосновательны. К тому же стоило позаботиться о своих зубах.

Четвертый подарок был от Тома. Тоже книга — «Как подчинить свою волшебную палочку». Под черным переплетом скрывались пожелтевшие страницы, испещренные густыми заметками на полях.

«Эта книга лаконична и глубока. Заметки — это мои личные выводы, возможно, они тебе пригодятся. Том».

Джери бережно сложил книги стопкой на столе и принялся строчить ответные письма.

Настроение было великолепным. Натянув полосатый свитер, он — редкий случай — проигнорировал библиотеку и, прихватив Монти, втянул старосту Дугласа в безумную игру в снежки, которой они посвятили весь вечер.

Когда Джери вошел в Большой зал на ужин, он замер: заколдованный потолок казался глубже и прекраснее обычного. Странными выглядели лишь разноцветные ленты, развешанные повсюду — они почти скрыли под собой цвета четырех факультетов. Профессор Диппет, едва переступив порог, бросил полный негодования взгляд на Дамблдора, недвусмысленно давая понять всем присутствующим, чьих рук это дело.

— Какая... своеобразная эстетика, — сухо прокомментировал Джери.

Хотя связь между Мерлином и Иисусом оставалась для него загадкой, он с удовольствием включился в празднование. Профессор Бири в белоснежной мантии, изрядно накачавшись спиртным в компании профессора Скамандера, нетвердой походкой расхаживал по залу, оглашая его песнями и пытаясь пригласить на танец высокую женщину с высоко уложенными волосами.

Дуглас шепнул, что это мисс Эстер, преподаватель астрономии. Поговаривали, что Бири добивается её внимания дольше, чем длится испытательный срок профессора Кеттлберна.

Сильванус Кеттлберн был единственным в истории Хогвартса профессором, чей испытательный срок перевалил за двадцать лет. Он вел уход за магическими существами, но год назад внезапно покинул замок, и его место занял Ньют Скамандер.

— Э-э, месячный испытательный срок, — однажды упомянула о нём Элейн Паркинсон, сестра Пола, без тени сожаления. — Скверный характер профессора Кеттлберна был просто невыносим. Он вечно прыгал перед глазами, как взбесившийся соплохвост.

Огромная рождественская елка стояла подле преподавательского стола, украшенная разноцветными шарами. Стоило кому-то подойти слишком близко, как шары лопались, окрашивая человека в свой цвет.

В день, когда елку только установили, Ричард Уизли умудрился собрать на себе десяток цветов. Даже его рыжая шевелюра наполовину пожелтела. И хотя он во все горло орал, что это «цвета Гриффиндора», многие покатывались со смеху, глядя на его нелепый вид. Альфард, который в тот момент как раз собирал вещи, лишь мельком взглянул на стоявшего неподалеку Адэра Кима и бросил:

— Я бы сказал, что этому верзиле стоит притереться к какому-нибудь черному шару, чтобы окончательно слиться с полом.

Казалось, он питал к Киму глубокую неприязнь, возможно, потому, что присутствие того делало Уизли слишком уверенным в своей безопасности.

В этот вечер на верхушке елки вместо привычного ангела восседал паук-мешочник, конвульсивно подергивая восемью длинными лапами.

Чья это была идея?! Джери, утешая перепуганного Монти, закатил глаза.

В красно-зеленом рождественском пудинге Джери нашел золотой галеон. На его лице отразилась сложная гамма чувств: то ли радость от находки, то ли боль от столкновения монеты с зубом. В итоге победила ослепительная улыбка «в шесть зубов». Джери заработал свои первые деньги на пудинге, что заставило его полюбить это блюдо всей душой — остаток вечера он только и делал, что пытался выудить из тарелки еще одну монету.

В разгар этого сомнительного занятия (он едва не лопнул), сквозь него проплыл профессор Бинс. Джери трижды чихнул от могильного холода и решил, что с пудингом пора завязывать.

Пир затянулся. К сожалению, в кубках студентов были лишь лимонад и тыквенный сок, иначе Джери не отказался бы выпить в стельку.

Он наблюдал за покрасневшимся профессором Скамандером. Тот, забавно подергивая одним ухом, хвастался чем-то профессору Флитвику с крайне гордым видом. Флитвик выглядел не менее возбужденным; он почти целиком погрузил голову в деревянную кружку. Джери готов был поставить галеон, что в этот сосуд поместится вся голова профессора целиком. С каких это пор гоблины начали глушить эль так же лихо, как гномы?

До самого конца ужина Том так и не появился. Неужели он всё-таки принял приглашение Антонина и уехал к Долоховым?

Монти первым ушел в спальню, Дуглас с загадочным видом упомянул о каком-то свидании, и

Джери возвращался один.

Коридоры сегодня казались особенно мрачными: факелы горели вполсилы, будто весь свет высосали для праздника в Большом зале. До комендантского часа было еще далеко, но дежурный профессор Скамандер всё еще пребывал в полузабытьи за преподавательским столом. Шаги Джери гулко отдавались в тишине. Он спрятал руки в карманы; температура в замке ощутимо упала. По пути к подземельям лестницы вели себя крайне своенравно, постоянно меняя направление, и Джери окончательно сбился с пути.

Он наблюдал, как обитатели портретов отмечают праздник. В самой большой раме рыцарь в странном капюшоне танцевал с пухлой монахиней. Чьи-то вороватые тени следили за ними, рискуя быть вытесненными за пределы холста разбушевавшейся толпой нарисованных «людей».

Издали донесся голос Пивза. Не желая связываться с неприятностями, Джери прибавил шагу, уже не понимая, поднимается он или спускается.

Сквозняки проносились мимо него один за другим, и они были едва ли не назойливее полтергейста. Джери порадовался, что надел теплый свитер, а не тонкую мантию.

Его взгляд блуждал по сторонам, а мысли витали где-то далеко. Он уставился на гобелен, изображающий попытку Барнабаса Безумного обучить троллей балету, и только спустя пару минут осознал, насколько же это нелепо. Пошатнувшись, он едва не снес огромную напольную вазу.

Вокруг зияла тьма, перекрестки коридоров путались перед глазами. Джери понял, что заблудился окончательно.

— Подземелья, подземелья... чертовы лестницы, — бормотал он под нос. Наконец он просто сел на пол, прислонившись к стене. Единственным его желанием сейчас было оказаться в спальне у теплого камина.

Внезапно на стене напротив появилась дверь из темного дерева. Джери оцепенел. Что это? Еще мгновение назад там не было ничего, кроме дурацких украшений.

Он замер, почти решив, что это галлюцинация, но всё же протянул руку и коснулся серебряной ручки в форме змеи.